

Лю Чжэчжи, не подозревая, что на него снова повесили всех собак, терпеливо успокаивал его. Когда тот наконец затих, он с удовлетворением похвалил:

— Змейка, какой послушный. Если сдержишься раз, другой, со временем это войдёт в привычку.

— Хотя двойное совершенствование и является одним из путей самосовершенствования, это всё же не праведный путь. Изначальный Ян мужчины — основа его силы, и его нужно беречь. А если ты в будущем избереёшь Бесстрастный Путь, то тем более не сможешь так просто отдавать свой Ян. Запомнишь?

Он говорил без задней мысли, о пути самосовершенствования, наставляя и поучая. Но Мо Янь, слыша про «Изначальный Ян» и «двойное совершенствование», почувствовал, как у него горят щеки.

«Ты... ты, Бессмертный Владыка, как ты можешь говорить такие... такие...»

«Вечно твердишь о приличиях, а где твои собственные?»

«Я знаю, что ты торопишься, но будь хоть немного сдержаннее! Вы, праведники, ведь так цените сдержанность и этикет!»

— Змейка? — не получив ответа, Лю Чжэчжи ткнул его пальцем в голову. — Запомнишь?

Мо Янь с закрытыми глазами кивнул. Он по-своему истолковал его слова, и щёки его горели всё сильнее, но он старался выглядеть нетерпеливым.

«Знаю, знаю. Отдам тебе свой Ян, весь отдам, забирай для своей силы, договорились?»

Лю Чжэчжи не понял, что с ним опять не так. Ему лишь казалось, что Змейка с возрастом становится всё более капризным, часто без причины злится или раздражается.

Он даже перед сном занялся самоанализом.

«Может, я не умею воспитывать, и поэтому такая милая в детстве змейка выросла такой... неправильной?»

Но, в конце концов, это была его змейка. Даже зная, что характер Змейки испортился, Лю Чжэчжи смотрел на него сквозь розовые очки. Когда тот затихал, он казался ему таким же

милым, как и в детстве. Вскоре, обняв змея, он крепко уснул.

Обычно из-за слабости он спал очень долго и крепко, но сегодня проснулся на рассвете, охваченный беспокойством.

Мо Янь, спавший, обвившись вокруг него, и знавший, как крепко тот обычно спит, охранял покой всего пика Облачного Бамбука. Как только тот открыл глаза, Мо Янь тут же это почувствовал и лизнул его в подбородок.

«Почему ты хмуришься? Плохо себя чувствуешь?»

— Я разбудил тебя, Змейка?

Лю Чжэчжи успокаивающе погладил его.

— Что-то не спится. Кажется, в мире заклинателей что-то происходит, духовная энергия вокруг очень нестабильна. Хотя массив и защищает нас, я прожил здесь несколько сотен лет и смутно чувствую, что что-то не так.

Нестабильна была не только духовная энергия. Мо Янь чувствовал, что вокруг скрывается демоническая ци. Она не приближалась к пику Облачного Бамбука, но была, по крайней мере, на окраинах Секты Цянькунь.

Но сейчас ему было всё равно.

Демоны по природе своей воинственны, и чего ожидать от нового Демонического Владыки — неизвестно. В любом случае, это его не касалось. Когда он вернёт себе трон, то всех предателей, что бы они ни натворили, истребит под корень.

Если они нарушат покой Шести миров, он просто убьёт побольше, чтобы успокоить всеобщее негодование.

Сколько убивать, как убивать — всё это будет зависеть лишь от его настроения. Не стоит сейчас об этом беспокоиться.

— Хм? О чём ты думаешь, Змейка? — Лю Чжэчжи, гладивший его, замер и, приподняв его голову, посмотрел на него. — Почему в тебе снова появилась убийственная аура?

Мо Янь вздрогнул и тут же скрыл свою кровожадность, снова став в его глазах послушной и милой змейкой. Он лизнул его палец.

Раньше он не скрывал своей сущности, даже думал, что если его раскроют, то просто убьёт его. Но с какого-то момента Мо Янь начал бояться, что его узнают.

Он подсознательно поддерживал образ «Змейки», не желая, чтобы его узнали как Демонического Владыку Мо Яня, его заклятого врага.

Взгляд Мо Яня на мгновение стал сложным. Он снова прижался к его груди и закрыл глаза.

— Спи дальше, Змейка.

Лю Чжэчжи осторожно отодвинул его, сел, прислонившись к изголовью кровати, и задумчиво уставился в окно.

Раз он не спал, то и Мо Янь не мог. Он тоже вытянул голову, но ничего необычного не увидел. Повернувшись, он заметил, что тот сложил пальцы в какую-то печать, но двигал ими не так быстро, как обычно, а медленно, и это движение приводило в движение духовную энергию вокруг.

Когда Лю Чжэчжи закончил, на его лице явно отразилась тревога. Только тогда Мо Янь понял, что тот использовал Искусство прорицания, о котором говорят праведники.

Для этого не нужна была сила, только талант. Те, кто следовал воле Небесного Дао, обретали способность предсказывать будущее. Очевидно, Лю Чжэчжи был избранником Небесного Дао.

В этом был смысл. Если Небесное Дао не благоволило бы даже первому праведнику, Бессмертному Владыке Чжэчжи, то кто из праведников вообще мог бы претендовать на это?

Но... он слышал, что за это приходится платить своими заслугами или даже годами жизни.

Мо Яню не хотелось, чтобы тот снова прибегал к этой технике. Он приподнял голову и потёрся о его руку.

— Змейка, ты тоже почувствовал что-то неладное?

Лю Чжэчжи наклонился и поцеловал его в макушку.

— Боюсь, в мире заклинателей грядёт великая смута. Демоны готовят масштабное вторжение, и нас это тоже не обойдёт стороной. Наставник скоро приведёт людей, чтобы снять массив, и потребует, чтобы я вёл переговоры о мире.

Война принесёт лишь смерть и разрушения, а у праведников не так много шансов на победу.

Зная Дуань Чэнцзяня, он наверняка выберет переговоры.

Всем было сказано, что он в уединении, никто не знал, что он лишился сил. Поэтому вести переговоры придётся ему. Он всё ещё носил титул Бессмертного Владыки Чжэчжи, и на его авторитет возлагали большие надежды.

Но увы...

— Я не знаю нового Демонического Владыку. Если бы переговоры вёл Мо Янь, можно было бы договориться. Он, возможно, согласился бы. А другие демоны...

Лю Чжэчжи не договорил, лишь вздохнул. Но Мо Янь понял, о чём он беспокоится.

Раз праведники хотят мира, им придётся пойти на уступки. Праведный и демонический пути непримиримы. Даже если бы он остался Демоническим Владыкой, он бы воспользовался ситуацией. А Лю Чжэчжи, будучи первым праведником, сотни лет истреблявшим демонов, станет главной мишенью.

Скорее всего, новый Демонический Владыка потребует выдать ему Лю Чжэчжи.

Даже если не ради самого Лю Чжэчжи, то чтобы унижить праведников.

Он и сам был демоном и знал, как они мыслят. Будь он на их месте, он бы тоже потребовал выдать Лю Чжэчжи.

Пожертвовать одним человеком, отправив его в плен к демонам ради видимости мира. Даже если бы Лю Чжэчжи был в силе, праведники наверняка рассмотрели бы этот вариант. А теперь, когда Дуань Чэнцзянь знал, что Лю Чжэчжи беспомощен...

Если Лю Чжэчжи попадёт к демонам...

Мо Янь не смел представить, что его ждёт. Умереть ему не дадут, но заставят желать смерти.

— Ш-ш-ш...

«Не волнуйся, я защищу тебя».

Даже зная, что Лю Чжэчжи его не поймёт, Мо Янь без раздумий дал это обещание.

Его заклятый враг. Он ещё не свёл с ним счёты. Он с таким трудом поддерживал в нём жизнь. Никто другой не смеет его трогать.

— Змейка, ты беспокоишься обо мне?

Лю Чжэчжи ткнул его пальцем в губы.

— Простые люди даровали мне удачу Небесного Дао и заслуги. Я защищаю их — это мой долг. Это круг причин и следствий. Жизнь и смерть не имеют значения, главное — чистая совесть.

Он говорил много, высокопарно, но Мо Янь перевёл это для себя одной фразой:

«В сердце Лю Чжэчжи — простые люди. Ему безразлична собственная жизнь, но не их».

Хоть он и был теперь слаб и болен, Лю Чжэчжи оставался тем же защитником праведного пути и простых людей. Он не изменился.

Мо Янь уставился на его лицо, и вдруг его охватило то же чувство, что и пятьсот лет назад, при их первой встрече.

На этот раз ему не нужно было рыться в книгах в поисках нужных слов. Мо Янь запомнил эти четыре иероглифа: «неземная красота».

— Тук-тук-тук...

Что это за звук?

Мо Янь огляделся. Лю Чжэчжи, кажется, ничего не слышал. Только он. Спустя мгновение он понял.

Кажется, это стук сердца.

Чёрт, чьё сердце так громко стучит? Напугало меня!

Мо Янь качнул головой и прижался к груди Лю Чжэчжи.

«Лю Чжэчжи, это ты?!»
